

УДК 316.422:502.131.1

Шлетгавер Даниил Витальевич

аспирант кафедры философии и русской филологии
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»
Shletgaver Daniil Vitalievich
Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky

**КОЭВОЛЮЦИЯ И КОЭВОЛЮЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ
COEVOLUTION AND THE COEVOLUTIONARY STRATEGY
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF CIVILIZATION**

Аннотация. В статье развивается концепция коэволюции как принципа взаимодействия социоприродных систем в контексте устойчивого развития. Критически анализируется техногенная парадигма, обосновывается недостаточность классического антропоцентризма и экоцентризма. Вводится понятие «рефлексивный антропоцентризм» как теоретическая рамка коэволюционной стратегии. Рассматриваются институциональные барьеры перехода к устойчивости, роль культурного ядра и практические кейсы реализации коэволюционных принципов. В полемическом ключе сопоставляются различные подходы к пониманию устойчивого развития, доказываемая, что коэволюция является не альтернативой, а сущностным содержанием устойчивости.

Abstract. The article develops the concept of coevolution as a principle of socio-natural systems interaction in the context of sustainable development. The technogenic paradigm is critically analyzed, and the insufficiency of classical anthropocentrism and ecocentrism is substantiated. The concept of «reflexive anthropocentrism» is introduced as a theoretical framework for the coevolutionary strategy. Institutional barriers to the transition to sustainability, the role of the cultural core, and practical cases of implementing coevolutionary principles are examined. In a polemical key, various approaches to understanding sustainable development are compared, and it is argued that coevolution is not an alternative but the essential content of sustainability.

Ключевые слова: Коэволюция, устойчивое развитие, рефлексивный антропоцентризм, техногенная парадигма, культурное ядро, планетарные границы.

Keywords: Coevolution, sustainable development, reflexive anthropocentrism, technogenic paradigm, cultural core, planetary boundaries.

«Что касается Человека, то он обречен на монопольное положение в своей нише, т. е. в биосфере, поскольку во всем живом мире он – единственный носитель Разума. Такова его судьба. Изменить ее он не волен... Значит, современное человечество неизбежно будет втягиваться в экологический кризис глобального масштаба» [1, с. 47].

Эти слова Никиты Моисеева, написанные на рубеже тысячелетий, сегодня звучат не как предупреждение, а как констатация свершившегося факта. Однако сам автор оставлял человечеству шанс: Разум, породивший кризис, способен стать и инструментом его преодоления. Вопрос лишь в том, какой разум – технократический, редуцирующий природу к ресурсу, или рефлексивный, осознающий свою включенность в эволюционные процессы – возьмет верх. В предыдущей работе мы предложили концепт «рефлексивного антропоцентризма» как альтернативы классическому антропоцентризму и экоцентризму. Теперь наша задача – показать, как этот принцип конкретизируется в коэволюционной стратегии устойчивого развития, и почему без такого концептуального моста разговоры о коэволюции остаются либо декларативными, либо редуктивными.

Прежде всего, необходимо провести четкое терминологическое разграничение, отсутствие которого в дискуссиях об устойчивости порождает концептуальную путаницу. Устойчивое развитие (sustainable development) следует понимать как целевое состояние социоприродной системы, при котором удовлетворение потребностей настоящего поколения не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Это горизонт, к которому следует стремиться. Козволюция – это фундаментальный принцип взаимодействия сложных систем, при котором их взаимные изменения носят синергичный, а не разрушительный характер, обеспечивая долговременное сохранение целостности каждой из них. Козволюционная стратегия социального развития, в свою очередь, выступает операциональным механизмом – способом управления переходом от текущего состояния к устойчивому, где технологический прогресс подчиняется экологическим и гуманитарным императивам. Таким образом, если устойчивое развитие – это ответ на вопрос «куда мы хотим прийти?», а козволюция – «как мы должны взаимодействовать с природой в принципе?», то козволюционная стратегия – это ответ на вопрос «как нам туда пойти?».

В этом пункте возникает первое концептуальное напряжение, требующее полемической проработки. Критики козволюционного подхода (среди которых немало представителей неолиберальной экономической мысли, например, последователи Йозефа Шумпетера или современные теоретики «зеленого роста» вроде Уильяма Нордхауса) утверждают, что козволюция – это либо утопия, либо скрытая форма технократического управления. По их логике, человечество никогда не сможет добровольно ограничить экономический рост, а любые попытки «согласования» с природой неизбежно приведут либо к стагнации, либо к авторитарному распределению ресурсов. Однако эта критика основывается на ошибочной предпосылке – отождествлении развития с ростом. Козволюционная стратегия предлагает не отказ от развития, а его переопределение: от количественного наращивания производства – к качественному улучшению жизни, от экстенсивной эксплуатации – к интенсивной регенерации. И здесь рефлексивный антропоцентризм становится тем недостающим звеном, которое позволяет сохранить человеческую субъектность (в отличие от эгоцентризма, фактически устраняющего человека из центра принятия решений) и одновременно ввести механизмы самоограничения (в отличие от классического антропоцентризма, не знающего границ).

Рефлексивный антропоцентризм, как мы его определяли, предполагает осознанное включение в систему экологических ограничений на уровне целеполагания. Это не просто «учет экологического фактора» в экономических моделях, а фундаментальная перестройка самой логики целеполагания: цели экономического развития формулируются не как максимизация прибыли или ВВП, а как обеспечение условий для долгосрочного процветания человека в здоровой биосфере. Технологии при таком подходе перестают быть самодовлеющей силой – они становятся инструментами, оцениваемыми не по их эффективности самой по себе, а по их способности усиливать человеческий потенциал и восстанавливать экосистемы. Этот принцип уже сегодня находит практическое воплощение в ряде конкретных кейсов.

Показательным примером является энергетический переход в Европейском союзе, известный как European Green Deal. В рамках этого проекта ставится цель достичь климатической нейтральности к 2050 году, но не за счет простого замещения ископаемых источников возобновляемыми, а через комплексную трансформацию экономических и социальных структур. Важнейшей составляющей выступает принцип энергоэффективности, который означает, что любой новый проект должен быть оценен не только с точки зрения экономической выгоды, но и с позиции минимизации экологического следа на протяжении всего жизненного цикла. Однако ключевой проблемой остается институциональная инерция: существующие политические системы, ориентированные на короткие электоральные циклы (4–5 лет), не готовы к долгосрочному планированию на десятилетия вперед. Здесь козволюционная стратегия вступает в противоречие с логикой представительной демократии,

создавая потребность в новых формах управления – например, в создании независимых агентств с долгосрочными мандатами, действующих по принципу «высокого доверия» (аналогично тому, как в ряде стран устроены центральные банки).

Еще один значимый кейс – переход к циркулярной экономике, который в последние годы активно реализуется в Нидерландах, где правительство поставило цель к 2050 году стать полностью циркулярной экономикой. В отличие от линейной модели «добыча – производство – потребление – отходы», циркулярная экономика имитирует природные экосистемы, где отходы одного процесса являются ресурсом для другого. Примечательно, что этот переход требует не только технологических инноваций (например, переработка пластика, биodeградируемые материалы), но и изменения культурных паттернов потребления. Голландский опыт показывает, что наиболее успешные проекты – это те, где местные сообщества вовлекаются в процесс проектирования с самого начала, а не просто информируются о уже принятых решениях. Это прямое следствие коэволюционного принципа: изменение системы возможно только при условии, что все ее элементы (включая потребителей) участвуют в адаптации, а не просто подстраиваются под внешние требования.

Однако, как справедливо отмечает И.Г. Сухина, «техника и технология в отличие от человека сами по себе не могут выступать создателем, свободным выразителем и преобразователем ценностей» [3, с. 221]. Этот тезис имеет прямое отношение к коэволюционной стратегии: институциональные механизмы сами по себе неэффективны без изменений на уровне культурного ядра. И здесь возникает второй полемический узел. Ульрих Бек в своей концепции «общества риска» показал, что современное общество производит угрозы, которые не поддаются локальному контролю [4]. Но Бек остается в рамках модернистской парадигмы, полагая, что институциональная рефлексия (например, создание новых регуляторных органов) может адекватно ответить на эти вызовы. Коэволюционная стратегия и рефлексивный антропоцентризм идут дальше: они утверждают, что институциональная рефлексия необходима, но недостаточна. Без трансформации ценностных оснований – без перехода от ценностей безграничного потребления к ценностям умеренности, заботы и ответственности перед будущими поколениями – любые институты останутся лишь фасадом, за которым сохранится прежняя эксплуатационная логика.

В этом контексте реактивация культурного ядра цивилизации обретает совершенно конкретное содержание. Культурное ядро – это не абстрактная «духовность», а совокупность фундаментальных ценностных ориентаций, норм и смыслов, которые определяют, что считается «хорошим» развитием, а что – «плохим». В техногенной цивилизации это ядро оказалось колонизировано логикой эффективности и экономического роста: образование ценится за его вклад в производительность труда, искусство – за коммерческий потенциал, наука – за технологические приложения. Коэволюционная стратегия требует обратного движения: образование должно формировать экологическое сознание, искусство – создавать новые образы гармоничного сосуществования, наука – оценивать последствия технологий не только с точки зрения эффективности, но и с точки зрения этической допустимости.

Здесь мы сталкиваемся с фундаментальной проблемой, которую можно назвать «парадоксом коэволюционного управления». С одной стороны, переход к устойчивости требует долгосрочного планирования и координации на планетарном уровне, что предполагает усиление роли глобальных институтов. С другой стороны, коэволюция невозможна без учета локальных особенностей, без вовлечения местных сообществ, без сохранения культурного разнообразия, которое является условием адаптивной способности системы. Глобализация, как справедливо отмечается в Стэнфордской энциклопедии философии, создает «сжатие пространства» и беспрецедентные возможности для координации [6], но одновременно несет угрозу унификации, разрушающей те самые локальные адаптации, которые составляют основу устойчивости. Рефлексивный антропоцентризм предлагает разрешение этого парадокса через принцип «рекурсивной модернизации»: глобальные цели (например, снижение выбросов парниковых газов) должны быть реализованы через локально адаптированные стратегии, причем сам процесс адаптации становится механизмом обучения

и накопления знаний. Это означает, что коэволюционная стратегия – это не разовый переход, а перманентный процесс рекурсивной коррекции, где каждое действие оценивается не по соответствию плану, а по его способности усиливать адаптивный потенциал всей системы.

В качестве эмпирической иллюстрации этого принципа можно привести опыт Китая в восстановлении экосистем на плато Лесс – одного из крупнейших проектов экологической реставрации в истории. В 1990-е годы деградация почв и опустынивание угрожали существованию миллионов людей. Вместо топорного вмешательства (например, массового насаждения монокультур) была принята стратегия, сочетающая технологические решения (террасирование, методы сбора воды) с социальными (вовлечение местных общин, изменение структуры землепользования). Важнейшим элементом стало восстановление традиционных практик, которые веками поддерживали баланс на этой территории, но были утрачены в индустриальную эпоху. К 2020 году проекты на плато Лесс стали классическим примером того, как сочетание научного знания и локального опыта, технологических инноваций и культурного возрождения может привести к восстановлению экосистем, приносящему как экологический, так и экономический эффект. Однако этот успех был бы невозможен без изменения ценностных установок на уровне государственной политики – перехода от модели «экономический рост любой ценой» к модели «экологическая цивилизация» (ecological civilization), которая была официально провозглашена в Китае в 2012 году. Этот случай показывает, что коэволюционная стратегия возможна даже в условиях жесткой политической системы, если на уровне культурного ядра происходит смена ценностных ориентиров.

Этика глобальной ответственности, сформулированная Гансом Йонасом в его императиве – «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [2, с. 58] – в коэволюционной стратегии обретает не только моральное, но и практическое измерение. Речь идет о создании конкретных механизмов, которые делают эту ответственность институциональной. К таким механизмам можно отнести принцип «предосторожности» (precautionary principle), закрепленный в законодательстве многих стран и в международных соглашениях, а также практику оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), которая сегодня трансформируется в более широкую оценку жизненного цикла (Life Cycle Assessment). Однако эти механизмы остаются недостаточно эффективными, поскольку они применяются *post factum* – после того как технология уже разработана. Коэволюционная стратегия требует внедрения этических императивов на стадии проектирования, что предполагает развитие междисциплинарных практик, где философы, этики и экологи работают вместе с инженерами и экономистами с самого начала, а не подключаются на финальной стадии для «экологической экспертизы». Этот подход уже реализуется в программах ответственных инноваций (Responsible Research and Innovation) в рамках европейского научного финансирования Horizon 2020 и Horizon Europe, хотя до его повсеместного внедрения еще далеко.

Одним из наиболее серьезных вызовов коэволюционной стратегии остается проблема согласования временных горизонтов. Экономическая логика, основанная на дисконтировании будущих благ (то есть оценке будущих доходов ниже, чем текущих), систематически недооценивает долгосрочные экологические риски. Как показывают расчеты в рамках концепции планетарных границ, «планетарные границы являются не статическими ограничениями, а динамическими порогами, чье местоположение и значение меняются в зависимости от траектории человеческого технологического, социального и экономического развития» [7]. Это означает, что мы не можем просто «подогнать» экономику под фиксированные ограничения – границы смещаются в зависимости от наших действий, и чем дальше мы их переступаем, тем более трудными становятся обратные переходы. По данным последнего обновления концепции планетарных границ, опубликованного в 2023 году, человечество уже превысило безопасные уровни по шести из девяти показателей, включая изменение климата, утрату биоразнообразия и нарушение биогеохимических циклов азота и фосфора. При этом темпы превышения не замедляются, несмотря на многочисленные международные соглашения. Этот факт требует не просто корректировки политики, а

признания того, что коэволюционная стратегия невозможна без фундаментального пересмотра самой экономической парадигмы – перехода от экономики роста к экономике благосостояния в границах планеты (doughnut economy), как ее определяет Кейт Поуэрт.

В этом контексте управление переходами (transition management) становится не просто техникой администрирования, а способом институционального воплощения коэволюционной стратегии. Как показано в работах Ренэ Кемпа и его коллег, этот подход предполагает отказ от жесткого долгосрочного планирования в пользу «стратегических экспериментов» и «социального обучения» [8]. Создание «ниш» – защищенных пространств, где альтернативные практики могут вызревать в условиях относительной изоляции от доминирующего режима, – является ключевым механизмом. Однако здесь культурное ядро проявляет себя как решающий фактор: если ценностные установки общества не поддерживают эксперименты, если неудача воспринимается как катастрофа, а не как урок, то ниши остаются изолированными и не оказывают системного влияния. Поэтому управление переходами должно включать в себя не только технологические и институциональные меры, но и целенаправленную работу с культурными нормами – образование, медиа, диалог, вовлечение сообществ. В этом пункте рефлексивный антропоцентризм перестает быть философской абстракцией и становится практическим инструментом: он требует, чтобы каждый участник перехода осознавал свою роль и ответственность, чтобы решения принимались не на основе автоматического следования правилам, а на основе рефлексии о долгосрочных последствиях.

Анализ конкретных кейсов показывает, что наиболее успешные проекты устойчивого развития – будь то энергопереход в Дании, где уже в 2023 году более 50% электроэнергии производилось из возобновляемых источников при активном участии локальных кооперативов, или восстановление лесов в Коста-Рике, где правительство ввело систему платежей за экосистемные услуги, превратив страну из лидера по вырубке лесов в пример экологического возрождения, – имеют общую черту. Они реализуют коэволюционный принцип не декларативно, а на уровне практик: технологические инновации внедряются не «сверху» через централизованные решения, а через вовлечение сообществ, которые адаптируют их к своим локальным условиям. При этом успех зависит не столько от наличия ресурсов, сколько от качества управления, которое должно быть адаптивным, то есть способным учиться на ошибках и корректировать курс. Этот вывод имеет принципиальное значение: он смещает акцент с поиска «правильного» набора технологий или политик на развитие способности системы к самообучению и самокоррекции.

Подводя итог, можно сформулировать несколько фундаментальных выводов. Во-первых, глобальный экологический кризис является закономерным следствием техногенной модели развития, где технологическая подсистема доминирует над культурным ядром, а логика эффективности вытесняет логику целесообразности. Этот кризис не может быть решен в рамках той же парадигмы, которая его породила – требуются качественные изменения на уровне целеполагания. Во-вторых, коэволюция, понимаемая как синергичное взаимодействие общества и биосферы, представляет собой не альтернативу устойчивому развитию, а его сущностное содержание. Без коэволюции – без взаимного согласованного изменения систем – устойчивость остается недостижимой, поскольку попытки сохранить существующую систему неизбежно ведут к ее деградации из-за накопления дисбалансов. С другой стороны, коэволюция без ориентации на устойчивость как цель теряет смысл, превращаясь в простое описание процессов адаптации, которые могут быть и деструктивными. Поэтому коэволюционная стратегия выступает как мост между принципом и целью, как способ управления переходом. В-третьих, ключевым механизмом этого перехода является реактивация культурного ядра цивилизации – возвращение культуре ее смыслопорождающей и целеполагающей функций, которые были колонизированы техносферой. Это означает не отказ от технологий, а их этизацию, не ограничение прогресса, а его переопределение в терминах качества жизни, не отрицание глобализации, а ее наполнение локальными адаптациями и культурным разнообразием. В-четвертых, как показал анализ конкретных кейсов, коэволюционная стратегия реализуема только при условии перехода от управления,

основанного на жестких планах, к управлению, основанному на адаптивности, социальном обучении и стратегических экспериментах. Этот переход требует новых институциональных форм, выходящих за рамки традиционной представительной демократии, и новых механизмов вовлечения сообществ, превращающих их из объектов управления в субъектов трансформации.

В конечном счете, рефлексивный антропоцентризм, предложенный в наших предыдущих работах, обеспечивает то недостающее звено, которое позволяет соединить философские основания коэволюции с ее практической реализацией. Он сохраняет человека в центре принятия решений (в отличие от эгоцентризма, который фактически устраняет субъектность), но вводит механизмы рефлексивного самоограничения (в отличие от классического антропоцентризма, не знающего границ). Это позволяет избежать двух крайностей – технократического оптимизма (вера в то, что технологии решат все проблемы) и экологического пессимизма (вера в неизбежность коллапса). Коэволюционная стратегия, основанная на рефлексивном антропоцентризме, утверждает, что будущее открыто и зависит от нашей способности учиться, адаптироваться и действовать ответственно. Именно в этой способности – ключ к преодолению кризиса, и именно она должна стать стержнем новой культурной парадигмы, которая только и может обеспечить подлинно устойчивое развитие

Список литературы:

1. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? – М.: Издательство МНЭПУ, 1999. – 288 с.
2. Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 479 с.
3. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография. – Донецк: ДонНУЭТ, 2016. – 494 с.
4. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: SAGE Publications, 1992. – 272 p.
5. Rockström J., Steffen W., Noone K., et al. Planetary Boundaries: Exploring the Safe Operating Space for Humanity // Ecology and Society. – 2009. – Vol. 14, No. 2. – Art. 32. – URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol14/iss2/art32/> (дата обращения: 20.08.2026).
6. Globalization // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Substantive revision 2024. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/globalization/> (дата обращения: 21.08.2026).
7. Richardson K., Steffen W., Lucht W., et al. Earth beyond six of nine planetary boundaries // Science Advances. – 2023. – Vol. 9, No. 37. – eadh2458.
8. Kemp R., Loorbach D., Rotmans J. Transition management as a model for managing processes of co-evolution towards sustainable development // The International Journal of Sustainable Development and World Ecology. – 2007. – Vol. 14, No. 1. – P. 78–91

